

В глазах путешественницы далекий горизонт, казавшийся почти неизменным, постепенно заволакивала серо-черная дымка. Она повисла над самой линией неба, размывая границы между землей и небесами.

Сидейла сперва подумала, что это всего лишь далёкие горы, но быстро поняла, что дело не в цвете: очертания горных вершин были серо-зелеными, а таманская пелена — пепельно-серой.

По мере того как расстояние сокращалось, Сидейла осознала: это и есть их пункт назначения.

— Это город Флорина? — спросила она.

— Верно. И притом его истинный облик. Когда мы окажемся в самом чреве этого гиганта, нас заморозит и увлечет вся та пестрая калейдоскопичность, что кроется внутри него.

— Но всё это лишь маска. И лишь глядя на него издалека отсюда, можно узреть истинную сущность этого чудища.

Рэморэ произнесла эти слова с каким-то загадочным, неуловимым смыслом.

— Флорина производит на тебя настолько скверное впечатление? Я-то никогда прежде не бывала в городах, — с любопытством спросила девушка.

— Город Дождей и Туманов Флорина, зачарованный мегаполис, поднявшийся из пепла Эпохи Пара, город, где переплетаются свет и тьма. Рай для богачей, ад для бедняков, — многозначительно отозвалась Рэморэ.

— Пожалуй, это изречение справедливо для многих мест, но вот в городе Фу имущественное расслоение и социальная сегрегация выставлены напоказ без всякого стыда. Разницу между Восточным и Западным районами города Фу ты прочувствуешь едва ступишь за его порог.

У Сидейлы имелось лишь смутное представление о таких понятиях, как деньги и богатство, однако ей еще никогда не доводилось вживую сталкиваться с монетами и купюрами. Девушка знала лишь, что внешний мир использует их как универсальный ресурс для обмена на товары.

В нынешнем имперском обществе бумажные деньги уже прочно вошли в обиход. Официально выпускаемые монеты и банкноты исчислялись в базовых единицах — кронах и фартингах, причем одна крона равнялась двадцати фартингам. Впрочем, серебряные и золотые монеты прошлых эпох все еще находились в обращении, а их ценность оставалась вполне стабильной.

Неискушенная Сидейла не была способна объять столь глобальные темы, как изъяны самого общественного устройства — ее куда больше волновали вопросы вполне приземленные.

Например, где они будут обедать и ночевать сегодня.

Девушка поинтересовалась:

— А куда мы отправимся, когда окажемся в городе?

— Сначала домой. Я уже порядочно не бывала в городе Фу, нужно будет хоть немного навести порядок. А после подыщем местечко перекусить. Несколько дней питались всухоммячку, пора бы уже заглянуть в какое-нибудь заведение.

— Твой дом во Флорине?

— Ага. У меня есть по жилищу в городе Фу и в Соломоне, правда, оба совсем крошечные.

— Ничего себе!

Рэморэ горько усмехнулась:

— Чего тут «ничего себе», я же в полном убытке, хоть в кармане шаром покати. Сама увидишь, как придем.

Прямо перед ними Флорина, подобно исполину, постепенно поднималась из глубин самого горизонта.

Рэморэ была права.

Очутившись внутри Флорины, никто не смог бы остаться равнодушным к ее невероятно пестрому, похожему на калейдоскоп убранству.

Что уж говорить о Сидейле, которая всю жизнь прожила в деревне народа Эй да на базе в Норсен и отроду не видала крупных городов?

В зачарованном мегаполисе, скрытом за пеленой дождливого тумана, на каждом шагу таились диковинные вещи, каких Сидейла прежде никогда не видала.

Безупречно чистые улицы, дышащие классической элегантностью, прямыми линиями уходили вдаль, и края их было не разглядеть. Вдоль дороги, словно неиссякаемый речной поток, в суете сновали прохожие и экипажи. Сидейла отроду не видывала столько повозок и людей одновременно. По обеим сторонам дороги стройными рядами тянулись газовые фонари и деревья, а прохожие неспешно прогуливались по тротуарам.

Пассажирские экипажи щеголяли широкими кабинами с крышами, защищавшими от ветра и дождя, а внутри них располагались удобные мягкие сиденья. Грузовые повозки выглядели куда проще: к ним крепился открытый кузов, на который просто набрасывали брезент или постилали коврик. Лошади составляли главное богатство любого кучера, ценясь куда выше самого экипажа, а потому извозчики старались обращаться с животными бережно — лишь когда спешащие по делам богачи начинали их подгонять, кучер принимался время от времени щелкать хлыстом.

Их умение обращаться с кнутом тоже было искусством: хлыст рассекал воздух с громким свистом, но удар по конскому крупу приходился слабым — всё ради того, чтобы пассажиры видели: извозчик старается вовсю и сполна отработывает плату за проезд.

Наряды прохожих казались девушке такими, словно все они собрались на балл. Мужчины щеголяли в сюртуках и цилиндрах, держа в руках портфели или трости. Женщины же одевались ярко и нарядно. Длинные платья из тюля и кружев напоминали лепестки роз, источая ослепительную красоту; сложные фасоны золотистых парадных туалетов выделялись кринолинами, широкими, как башенные часы в церкви; а некоторые дамы и вовсе облачались в мужские костюмы с брюками, являя взору дерзкую и утонченную статью. Глаза Сидейлы разбегались от изобилия красок и фасонов их одежды.

Дети в Родном Доме круглый год носили почти исключительно белые форменные костюмы. Наряды взрослых были чуть разнообразнее, но в целом сводились к вечному чередованию деловых костюмов, жилетов и рубашек.

По правде говоря, Сидейла даже немного завидовала этим модницам.

Кроме того, то тут, то там по дороге с гудком проносились автомобили.

Сидейла знала, что автомобиль — одно из главных изобретений Эпохи Пара, четырехколесное транспортное средство с паровым двигателем. Кузов машины изготавливался из стали, что делало ее чрезвычайно прочной и долговечной. Ей не требовалась ни мускульная сила человека, ни запряженные лошади — чтобы мотор заработал, было достаточно залить в него специальное топливо, производимое компанией Бенца. Автомобили развивали высокую скорость, езда в них дарила несравненный комфорт, и им, в отличие от живой тягловой силы, не нужен был отдых. Если не считать баснословной стоимости, это было практически идеальное средство передвижения.

Сидейла и Рэморэ двигались на запад по Восьмой авеню города Фу, и пейзаж вокруг постепенно менялся: одноэтажные лачуги внешних кварталов сменялись двух- и трехэтажными торговыми лавками. На первых этажах располагались кофейни, часовые мастерские и пекарни, а второй и третий этажи сдавались внаем редакциям газет или оптовым дистрибьюторам. Каждый квадратный фут здания использовался с максимальной выгодой, принося владельцу немалый доход.

Бросив взгляд на север, девушка заметила сквозь пепельное небо силуэты множества высотных

зданий. Эти новомодные строения из армированного бетона поражали своей прочностью и массивностью, достигая в высоту под сотню метров. К примеру, знаменитый небоскреб «Имперское Серебро Флорины» взметнулся почти на двести с лишним метров и являлся штаб-квартирой гиганта финансового мира — Стандартного Банка, прочно закрепив за собой статус одной из главных достопримечательностей города Фу.

Большинство подобных небоскребов принадлежало имперским финансовым магнатам. Благодаря телеграфу, телефону и дифференциальным вычислительным машинам баснословные суммы денег непрерывно циркулировали между этими мегакорпорациями. До наступления Эпохи Пара подобное казалось совершенно немыслимым.

Впрочем, чего еще ожидать — ведь это была Флорина, город, где концентрировались богатство и власть, зачарованный мегаполис, где каждый клочок земли на вес золота.

Вскоре они миновали Гайд-парк. Будучи «деревенской девчонкой», Сидейла не до конца понимала значение слова «парк». Согласно объяснениям Рэморэ, когда городские жители оказываются слишком долго отрезанными от природы, внутри самого города нарочно выделяют участок земли для воссоздания природных пейзажей — такое место и называют парком.

Города сами по себе — порождение человеческого вмешательства в природу. И довольно забавно, что, проведя в каменных джунглях достаточно времени, люди начинают отчаянно пытаться воссоздать эту самую природу заново.

Как бы то ни было, рукотворные парковые пейзажи выглядели поистине великолепно. Клумбы с жасмином и розами, аккуратно подстриженные газоны, круглые пруды и изящные белые мостики — всё здесь было тщательно продумано, обладая особой красотой, отличной от дикой природы.

Служанка знатного семейства выгуливала на поводке крупную серую собаку; шерсть пса лоснилась, а ступал он с таким надменным видом, будто сам приходился хозяином этого дома. Влюбленные парочки ворковали на скамейках, изливая друг другу сердечные тайны. И стар и млад наслаждались здесь неспешным, безмятежным отдыхом.

Шагая по аллее вдоль Гайд-парка, Рэморэ вдруг снова заговорила:

— А знаешь, Сидейла? Этот Гайд-парк красовался во Флорине еще до наступления Эпохи Пара. Император выстроил загородный дворец неподалеку от города Фу, и Гайд-парк изначально служил личными королевскими угодами для охоты.

— Королевскими угодами? И теперь они открыты для всех?

Рэморэ кивнула:

— Угу. С наступлением Эпохи Пара во Флорине стремительно расцвела промышленность. Одновременно с этим возвысились Консультативный совет и военное ведомство, имперская же власть пошла на спад, так что некогда недоступные королевские парки и охотничьи угодья перестали быть закрытой территорией.

Девушка слегка кивнула, слушая с видом человека, который уловил суть лишь наполовину.

<http://bllate.org/book/21087/2141880>